

“Я просто живу” — так успел назвать свою книгу Микаэл Таривердиев, а закончила ее после смерти композитора 25 июля 1996 года его жена Вера, музыкальный журналист. Книга только что вышла в серии “Мой 20 век” издательства “Вагриус”, и, читая ее страницы, конечно, вспоминаешь музыку Микаэла Леоновича — ведь она звучит более чем в 100 фильмах! Только что по ТВ прошел “Мой младший брат”, где уже так узнаваем шемяще-лирический настрой всех будущих шедевров киномузыки Таривердиева. Потом были и “Король-олень”, и “Ирония судьбы, или С легким паром”, и “Семнадцать мгновений весны”... Но Таривердиев писал еще и оперы, и балеты, и гениальные вокальные циклы. Может быть, для кого-то сюрприз, что он был еще и великолепным фотомастером — его работы печатались даже на обложке журнала “Лайф”... А мы предлагаем нашим читателям драматический фрагмент из книги, где рассказана история конфликта Таривердиева с Большим театром. А также отрывок из заключительной главы Веры Гориславовны, которая сейчас так много делает для того, чтобы мы наконец услышали всю музыку Микаэла Леоновича.

Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ: *Веч. м. м. м. б. - 1997. - 11 авг. - 6.5* Родион оказался злым гением в моей жизни

Балетом я был заморожен с детства. Он представлялся мне чем-то вроде сказочного королевства, где правят гармония и красота. Я был знаком со многими ведущими нашими танцовщицами, относился к ним с любовью, восхищением и любопытством. И, что самое забавное, казалось, что они мне отвечают тем же. Развесив уши, я всегда слушал рассказы Майи Плисецкой о театре, о ее каторжной работе.

Случилось так, что в 1986 году ко мне обратилась Вера Божадорро, французский балетмейстер, с просьбой написать балет по сказке Горького “Девушка и смерть”.

И я с радостью согласился. Музыка была написана, подпущен приказ дирекции театра о запуске спектакля. Начались репетиции. Спектакль репетировали Людмила Семеняка, Нина Ананишвили, Андриис Лиена, Александр Ветров. Репетиции продолжались несколько месяцев и уже подходили к концу. Были полностью готовы декорации. Сшиты все костюмы. Танцовщики знали все партии. Премьера назначена на второе апреля 1987 года. Проданы билеты. Во всяком случае, у меня на руках были билеты со штампом “Девушка и смерть”.

Но за некоторое время до премьеры в театре обострилась давно ведущая война между главным балетмейстером Большого Юрием Григоровичем и группой танцовщиков, сходящих со сцены. Тех, которыми я привык восхищаться и с которыми у меня до этого были самые добрые, даже нежные отношения.

Естественно, никто из них в спектакле занят не был. Конечно, я слышал об этой самой настоящей войне, которая идет в Большом театре. Но никогда не считал возможным становиться на ту или иную сторону, да и не подозревал, что война столь кровава. Это сегодня у нас каждая продавщица знает,

что в Большом идет многолетняя распря. Тогда же она носила закрытый, внутренний характер. Я и тогда считал, и сейчас считаю, что наши выдающиеся танцовщицы Екатерина Максимова и Владимир Васильев, невзирая на преклонный для балета возраст, имели право танцевать в театре до тех пор, пока на них ходит публика.

Но я также считал, что Григорович имеет право занимать или не занимать в своих новых спектаклях тех или иных танцовщиков. Да и вообще я считал и сегодня считаю, что все это не мое дело. А тут еще выяснилось, что Божадорро принадлежит к группе Григоровича. И балет “Девушка и смерть” стал плацдармом в этой войне. Впервые конфронтация стала открытой, вышла из кулуаров и из-за кулис.

Трудно представить себе, какая грязь лилась с одной и другой стороны. Танцовщики, перед именами которых склонялся весь мир, позволяли себе подходить к оркестрантам и говорить им:

— Какой смысл репетировать, если балет все равно не пойдет?

Те же оркестранты подходили ко мне на улице и предупреждали, что против балета ведется борьба.

— Сделайте же что-нибудь наконец! — говорили они мне.

Я кидаясь звонить Родиону Щедрину. Рассказываю, что происходит в театре.

— Мика, это театр. Там так, — отвечает он.

За день до премьеры дирекция театра закрывает спектакль.

Для меня это был большой урок, преподнесенный Большим театром. Урок Большого.

И еще одно меня поразило. Замечательные танцовщицы, тогда молодые, но уже звезды, облетевшие званиями, на памятном художественном совете, на котором “закрывали” балет, не посмели промолвить ни

одного слова. Это потом они звонили и по телефону плакались по поводу потраченного многомесячного труда, по поводу так и не состоявшихся ролей. Но тогда они боялись. А вдруг победит не Григорович? Да, прав был Родион — такова атмосфера Большого Балета.

Когда балет сняли, я от досады забрал из театра партию, голоса и выкинул их в мусоропровод...

Несколько лет я не только не ходил в Большой, но даже, когда мне нужно было мимо него проехать, я делал на машине крюк, лишь бы только его не видеть. Не общался с Родионом и Майей. Правда, года через три позвонил им. Трубку взял Родион. И я сказал ему:

— Родион, ни один балет не стоит нашей дружбы.

И я действительно так считал.

Я все время думаю о том, почему я так живу? Меня все спрашивают — зачем я прихожу в Союз кинематографистов, что я там делаю, зачем стал секретарем по социальным вопросам, зачем руковожу компанией “Мир кино”? Ты композитор, известный, действующий, почему, почему ты ездешь выбивать квартиры, зачем занимаешься всей этой чепухой? Я много лет не мог ответить на эти вопросы. Зачем я занимаюсь этой чепухой? Оказывается, вот так был написан альтернативный концерт? Он просто выскочил из меня, целиком, весь готовый. Это требует топлива. Самое любопытное — я так жил всегда. Меня не интересовало, будет ли это исполнено или не будет. На жизнь я зарабатывал музыкой к кино, которая была мне интересна, не скучно. Но и музыка к кино — она тоже дает мне топливо. Здесь постоянно идут какие-то эксперименты: вот это будет звучать так, а вот здесь — по-другому.

Злым гением в моей жизни

В вечном споре с Родионом Щедриным.

оказался Родион. Не желая этого. А может быть, и желая, не знаю. Вот таким злым гением не смог оказаться другой мой друг, Андрей Вознесенский, который говорил мне: “Ты плохой отец своим детям, — он имел в виду музыку. — Написав музыку, ты должен ее устроить, заставить ее исполнить, издать. Я для этого на все что угодно пойду, я пойду в ЦК, я готов унижаться, лишь бы мои стихи увидели свет”. Или еще он мне говорил: “Ты хочешь остаться целой и бардаке”. Но мне всегда был важен процесс. А вариант передачи музыки кому-то мне был неинтересен. Глупо, наверное. И неправильно. Наверное. Но это факт. И худить для этого в посольства, куда меня также звали, стоять убо с бокалом виски в руке и разговаривать с людьми, которые мне совершенно не инте-

ресны, — такой цены я не хотел платить и не хочу. Так же как и не ходил в ЦК на стакан чая. Я никуда не ходил. Я жил своей отдельной жизнью.

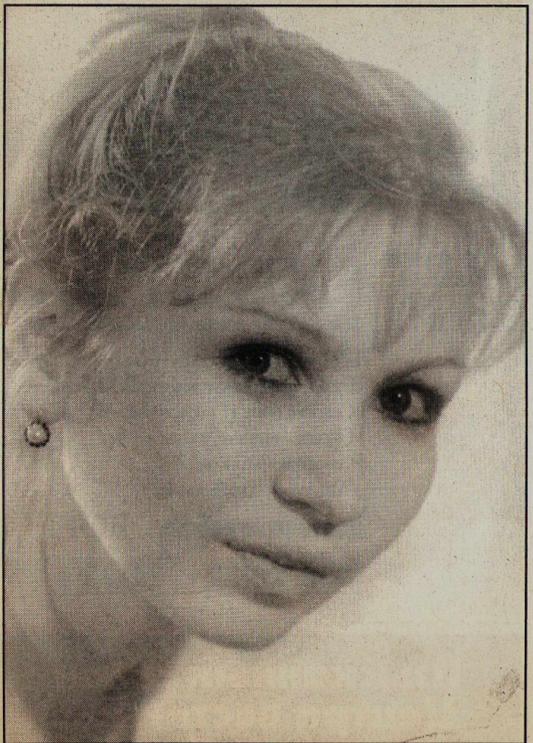
Когда после болезни, после инфаркта, вдруг позвонил Щедрин и сказал, что вот сейчас будет пленум и он просит меня войти в его секретариат — “Ничего не надо, — говорил он, — главное, чтобы было твое чистое имя, твои чистые руки”, — я дал согласие, полагая, что все для меня останется по-старому. Это была одна из страшных ошибок моей жизни.

Меня совратил не Щедрин. Меня совратила атмосфера, где вопрос престижности — где будет исполнено, в каком концертном зале, в каком отделении, в каком сочетании — не музыка, а вот ЭТО было важно. И вдруг я тоже стал обращать на ЭТО внимание. За те несколь-

ко лет, что я провел в стенах Союза композиторов, я очень долго распахивался.

Человек, нормальный человек, не может жить в состоянии других. Он может жить в состоянии своем, которое ему понятно, тогда он живет нормально. А я всегда жил так: я просто живу. Я не чувствую себя мессией, как чувствуют себя из трех с половиной тысяч композиторов все три с половиной тысячи, и, главное, не желаю себя чувствовать таковым.

Музыка — одна из сторон моей жизни, есть масса других проблем и дел. Еще есть рассвет, еще есть ночь, еще есть море, еще океан, есть водные лыжи, есть многое, что мне очень интересно. Еще есть моя любовь.

Вера. Фотопортрет работы Микаэла Таривердиева.

Нам было так хорошо! У нас даже Новый год свой. Еще когда мы не могли его встречать вместе, 31 декабря, мы переводили все часы в доме на четыре часа вперед. Ставили видеопленку “Ирония судьбы”, подгоняли бой курантов в фильме к этому же времени. И наступал Новый год. Это и был настоящий Новый год.

Впервые я вышла “на свет Божий” в Сухуми. Ашот, водитель катера из сухумского Дома творчества “Лилз”, договорился со своим братом, что мы поживем в его недостроенном доме на окраине города, у маяка. Из московской сыпачки я прилетела в теплую нежную ночь. Октябрь, угасающее абхазское лето. Маленький блестящий одинокий баклажан в огороде. Полосатые матрасы, привезенные из Дома творчества. Солнце по утрам бесцеремонно заглядывает в окна без занавесок. Мы больше не хотим и не можем расставаться.

— У меня нет позиции, — говорит он. — В семье виноватым может быть всегда только один. Неужели ты не понимаешь, что это очень удобно? Не нужно разбираться, выяснять отношения.

Так мы выводим формулы нашей совместной жизни. Виновата всегда я. И никогда с этим не спорю.

Через год после того, как партия “Девушки и смерти”

полетела в мусоропровод, полетел сердечный клапан.

— Я оперироваться не буду, — говорит он.

— А что если эта операция будет не в Москве?

— А где же?

— Ну, скажем, в Лондоне?

И тут появился Чингиз Айтматов с простым бытовым вопросом:

— Что происходит с Микой? Выслушав длинный и на редкость сумбурный ответ, он сказал:

— Если я что-то могу, так в любую минуту.

И сделал это. Тогда он мог. Он был членом Президентского совета при Горбачеве.

Только бы успеть — сверлило в голове, когда мы оказались на борту самолета, выполнявшего обычный рейс Москва — Лондон.

“Скорую к трапу! Скорую к трапу!” — передавал наугадный экипаж радиосообщение в Хитроу. Самолет посадили так, что мы даже не успели заметить, как шасси коснулись посадочной полосы.

Итак, мы в госпитале, в палате с окошком на двери в коридор и окном, выходящим в большой сад.

Терри Льюис, о котором мы знали еще в Москве, — именно его нам рекомендовали как одного из ведущих кардиохирур-

Вера ТАРИВЕРДИЕВА: Я никогда не чувствовала разницы в возрасте

гов Великобритании, появился в среду минута в минуту.

— У вас поражен аортальный клапан. Операция, тем более такая сложная, — всегда риск. Конечно, вы рискуете. Но я уверен, что смогу вам помочь.

Этот день начался для всех обычно. Госпиталь жил своей упорядоченной жизнью. А наша жизнь была поставлена на конвейер. Срабатывает — нет?

...Льюис уже ждет в своем кабинете.

— Операция прошла блестяще. Но она была сделана в последний момент. Сердце очень болезненное. Я вообще не понимаю, как он жил с таким клапаном.

Мы не перестаем удивляться здешним порядкам. На четвертый день нас просто выставляют в сад погулять. На пятый мы заходим в один из многочисленных ресторанчиков “Пицца хат”, Микаэл Леонович заказывает пиво и уплетает спагетти. Потом в Москве нам как анекдот рассказывали, что кто-то видел Микаэла Таривердиева в лондонской пивной. Что ж, анекдот не так далек от правды.

Летим в Москву с тем же экипажем. Подходит радостная стюардесса:

— Что будем пить, Микаэл Леонович?

— Пожалуйста, пиво и рюмку водки.

Через полтора месяца мы в Сухуми. Микаэл Леонович катается на своих любимых водных лыжах и серфере.

А осенью в Москву на съезд кардиологов приезжают Терри и анестезиолог Питер. Я заезжаю за ними в гостиницу “Россия” и привожу их в Дом кино. В лифт не помещаемся. Тут Микаэл Леонович презрительно машет рукой и начинает взбегать по лестнице.

— Эй, больной, больной! Мы так не договаривались! — кричит ему вслед Терри.

Как-то Микаэл Леонович встретил Евгения Евстигнеева. Оба они шли на какое-то собрание. Встретились на лестнице, по-моему, Кинотеатра. Микаэл Леонович взбежал по ступенькам, и Евгений Александрович спросил его:

— Старик, а правда, что тебе операцию на сердце сделали? Слушай, мне ведь тоже нужна операция на сердце. А к твою хирургу попасть нельзя?

Денги на операцию Евстигнееву уже тогда достали, не знаю, кто их давал, но занимался этим Алик Шерель.

— Почему же нельзя? — отвечает Микаэл Леонович. — Он ведь наш друг. Буквально на этих

днях мы с ним свяжемся.

Звоним Терри Льюису, который, естественно, просит передать ему по факсу все выписки из истории болезни Евгения Александровича. Он готов освободить время для операции — там ведь тоже очереди.

Но во МХАТе вояку идут репетиции спектакля “Игроки — XXI век”. У Евстигнеева — одна из главных ролей. Микаэл Леонович уговаривает Евстигнеева бросить репетиции и уехать в Лондон. Евгений Александрович решает играть премьеру. Играть замечательно. Он естествен и легок. И только потом мы узнаем, что он горстями принимал нитроглицерин! Он отыграл неделю премьерных спектаклей.

Через неделю приходит сообщение из Лондона о смерти Евгения Александровича. Микаэл в шок. Мы кидаемся к телефону и узнаем подробности от Терри. Он рассказывает, что прилетели они в Лондон 2 марта, в госпитале появились 4 марта. В тот день, когда Терри пришел к нему на осмотр, буквально чуть ли не на осмотре у Евстигнеева начался обширный инфаркт. Его тут же повезли в операционную, но сделать ничего не успели. Поздно.

— Микаэл, просто поздно, — подчеркивает Терри.

У Микаэла Леоновича остается жуткий осадок. Конечно, он понимает, что не виноват. Постоянно повторяет:

— Я же говорил ему: брось все, лети в Лондон.

Но травма остается. Она усиливается, когда в “Московских новостях” появляются воспоминания Ирины Цивинной, жены Евгения Александровича, о поездке в Лондон. Микаэл не называется, но фигурирует в качестве “приятеля”, который рассказал Евгению Александровичу о том, что операция на сердце — это несерьезно, что на четвертый день он пил в больших дозах коньяк. А убил Евстигнеева хирург Терри Льюис, который рассказал о проблемах сердца Евгения Александровича так подробно, даже нарисовал рисунок, что именно от этого ему стало плохо.

Стиснув зубы, я воздерживаюсь от звонка. Микаэл Леонович газету показывать не стала, спрятав, зная, как он расстроится.

“Кинотавр” стал для нас счастьем в чистом, дистиллированном виде. Выезжаем всегда в один и тот же день — 30 мая. 31 мая — наш второй день рождения, день операции на сердце.

Мы всегда 31 мая празднуем между собой и посылаем телеграмму Терри.

Загорать на пляже Микаэл не любит. Ему всегда нужно что-то делать. На “Кинотавре” он смотрит фильмы, когда работает в жюри и когда не работает, много общается.

— Сережа, это ничего не означает. Если вам не присудят премию, это ничего не означает, — говорит Микаэл Леонович Сергею Урсуляку, сидя на любимом месте в пляжном баре гостиницы “Жемчужина” с кружкой пива. Он сделал музыку к Сережиному “Русскому регтайму”. Фильм ему очень нравится. Ему интересны талантливые и молодые.

Урсуляк получил один из главных призов “Кинотавра” и еще много других призов на других международных кинофестивалях. Микаэл Леонович получил свою вторую “Нику” за “Русский регтайм”. Для него это был, по моему, сто восемнадцатый фильм. Для Урсуляка — первый.

— И все равно это ничего не означает, — говорит он Урсуляку.

Меня часто спрашивают, чувствую ли я разницу в возрасте? Все-таки разница порядочная — 26. Сейчас уже 25. Теперь она сокращается...

Но я никогда ее не чувствовала.

— У меня такое ощущение, что мне по-прежнему тридцать лет. Почему? — спрашивает он.

Мне-то иногда казалось, что ему еще меньше.

Он любит делать подарки, но и получать тоже.

— Только не дари мне ничего полезного, — говорит он.

Полезное — это одежда. Или что-то еще очень утилитарное. А вот игрушки! Игрушки — это всевозможные аппараты: электронные, механические. В общем все, что движется или служит для того, чтобы обеспечить движение. Очень важно, чтобы загоралось как можно больше лампочек.

Можно подарить что-нибудь для фотоаппарата и фотография. Фотографирует он с детства. Делает это не просто профессионально, но по высшему классу. Если начинает снимать после значительного перерыва, то обязательно прорабатывает теоретическую литературу, технику фотографии. У нас целая библиотека по фотоделу.

Когда его спрашивают, почему он снимает, он отвечает:

— От комплексов. Всегда хотелось рисовать, но рисовать не умею. А цвет, ком-

позицию чувствую.

В наш последний год здесь ему все время не хватало солнца.

— Нет, уехать что ли? Свинский климат все же в Москве!

Мы бегаем за солнцем.

Мы летим в Сочи. На наш любимый “Кинотавр”. А потом — в “Актер”. А потом — как получится.

Прилетаем в Сочи — портится погода. Десять дней холодно, идет дождь. Мы переезжаем в “Актер”. Нам помогает перебраться Сережа Урсуляк, который в этом году член жюри основного конкурса на “Кинотавре”. Картина “Летние люди” в конкурсе “Панорама”.

Погода начинает улучшаться. Смотрим закрытые фестивали по телевизору. Объявляют результаты конкурсов. “Панорама” — Гран-при — фильм “Летние люди”. Звонит Сережа Урсуляк:

— Микаэл Леонович, я знаю, что это ничего не означает.

В Москву ему лететь не хочется.

— Мне здесь хорошо, я спокоен.

Но в Москву возвращаться надо — билеты у нас на 25 июля.

Мы смотрим телевизор. Идет какой-то фильм о людях, которые спасают другим жизнь.

— Вот это профессия! Спасатели! Не то что композитор.

Погода в эти дни стоит пасмурная. Низкое небо, ветер, море все перебаламучено. Ночью вдрут как будто кто-то разводит руками тучи. Небо усыпано звездами. Мы сидим на балконе и представляем себе, как будто мы летим на космическом корабле.

— Какое любимое состояние природы?

— Рассвет. Я люблю, чтобы небо было голубое, а трава зеленая.

Он встает на рассвете. Оголтело поют птицы. Он выходит на балкон. Выкуривает сигарету. Смотрит в сторону рассвета. Небо голубое, а трава зеленая. Есть все, что он любит. Есть море, есть солнце, есть ощущение лета, есть любовь. Есть музыка.

Мы летим тем рейсом, каким и собирались лететь.